

Севастьянов А. В.

Исследования быта и культуры народов Крыма в научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.)

В статье на основе малоизвестных опубликованных и архивных материалов воссоздается массив исследований членов Российского общества по изучению Крыма, посвященных истории культуры и быта народов полуострова, выявлены и классифицированы основные направления этих штудий. Дан историографический анализ содержания исследовательских и компилятивных работ У. А. Боданинского, И. Н. Бороздина, Б. Н. Засыпкина, А. К. Кончевского, Б. А. Куфтина, В. И. Филоненко.

Ключевые слова: Российское общество по изучению Крыма, этнография, крымские татары, У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, В. И. Филоненко.

Актуальность. Одной из актуальных тем в контексте восстановления объективной истории изучения Крыма является реконструкция вклада научных сообществ разного уровня представительства, проводивших свою работу в период всплеска регионоведческих исследований 20-х–начала 30-х гг. XX в.

Местная инициатива подвижников-краеведов досоветского периода после установления Советской власти получила государственную поддержку. В годы Гражданской войны наблюдалось активное сотрудничество крымоведов с авторитетнейшими представителями отечественной науки из столичных центров. Одновременно с этим в первые годы после установления Советской власти в Крыму появлялись новые учреждения и общественные организации, ставившие своей целью всестороннее изучение прошлого и настоящего полуострова. Среди таковых ключевую

роль играло Российское общество по изучению Крыма (РОПИК) [1].

РОПИК – общественная организация, объединявшая в своих рядах авторитетный круг советских ученых и организаторов науки 20-х гг. XX в., массы краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымоведческих знаний. Научное общество, созданное на волне бума краеведческих исследований, смогло интегрировать в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований.

Интерес к работе РОПИК предшествующих исследователей краеведческого движения в Крыму был фрагментарным. Ученые и краеведы останавливались в своих разработках на сюжетах деятельности РОПИК, касавшихся общих тенденций развития краеведения в Крымской АССР (КрАССР) в период работы Общества: эт-

нологические штудии, участие столичных исследователей в научных экспедициях в Крым, развитие научной периодики. Это объясняет актуальность исследования деятельности РОПИК в крымском краеведении, определения его роли в краеведческом движении СССР 20-х – начала 30-х гг. XX в. Ключевой задачей исследования истории деятельности РОПИК является анализ научного наследия членов организации, выявление основных направлений исследовательского поиска ученых и краеведов, определение влияния некоторых концепций и дискуссий вокруг отдельных тем исследований на дальнейшее развитие исторических и этнографических штудий в контексте развития крымоведения.

Целью данной публикации является обзор, анализ и систематизация массива научного наследия членов РОПИК, касавшегося вопросов изучения крымоведческой этнографии.

Среди исследований, посвященных истории Российского общества по изучению Крыма, можно выделить несколько направлений. Пионерами в этом ряду следует рассматривать первые публикации рубежа 80–90-х гг. прошлого столетия. Они носили информативный, очерковый, популярный характер, заполняли соответствующие лакуны в историографии и не содержали в себе каких-либо сведений из малоизвестных либо архивных документов [2]. На рубеже XX–XXI вв. появились

первые работы по истории РОПИК, основанные на неопубликованных архивных источниках и доступных открытых материалах кандидатов исторических наук, доцентов В. Ф. Козлова (г. Москва), Л. С. Моисеенковой и профессора В. Ф. Шарапы (г. Симферополь) [3]. Признавая новаторский характер этих работ, отметим наличие в этих исследованиях схематичности в изложении исследуемого материала, а также некоторых фактических ошибок, которые могут ввести в заблуждение других исследователей [4]. Кроме того, в данных публикациях не была сформулирована оценка общего вклада РОПИК в развитие краеведческого движения в Крыму, без анализа остался массив научного наследия общества. Анализ деятельности членов РОПИК в сфере памятниковедения Крыма 20-х – начала 30-х гг. XX в. провел кандидат исторических наук А. В. Хливнюк [5].

Время активной деятельности РОПИК совпало с расцветом этнографических исследований в Крыму. В 20-е годы XX в. при ощутимой поддержке государственных органов были созданы условия для всестороннего изучения этнической истории, быта, современного состояния и художественной культуры народов СССР [6]. В благоприятных условиях, значимыми в масштабах развития общесоветской этнографии являлись исследования, предпринимавшиеся в 1925–1929 гг. членами РОПИК. Результаты наиболее оригинальных

из них подробно освещались в публикациях на страницах журнала «Крым». Тематически эти работы можно разделить на три направления: этническая история полуострова, современное развитие народов Крыма, общетеоретические задачи дальнейшего этнографического изучения Крыма.

Первое направление этнографических исследований членов РОПИК выразилось в проведении масштабного экспедиционного изучения прошлого крымскотатарской архитектуры. В августе – сентябре 1926 г. по направлению Главнауки НКП РСФСР, в Крым для исследований архитектуры крымских татар прибыл сотрудник Центральных государственных реставрационных мастерских, член Правления РОПИК Борис Николаевич Засыпкин (1891–1955). В его задачу входило комплексное изучение памятников древней крымскотатарской архитектуры. Результатом экспедиции стал исчерпывающий на то время очерк «Памятники архитектуры крымских татар» [7].

Анализ, предпринятый Б. Н. Засыпкиным, распространялся на основные исторические формы архитектуры крымских татар – дюрбе (мавзолеи), мечети, медресе, караван-сарай, бани (хамам). Основное внимание автор уделит особенностям крымских дюрбе, дав им общую характеристику, определив основные материалы, использовавшиеся для их постройки, этапы строительных работ. Б. Н. Засыпкин констатировал, что на начальном этапе, в

XII–XIII вв., главную роль в строительстве погребальных сооружений крымскотатарской знати играли не татарские мастера, а привлеченные итальянские колонисты, турецкие зодчие и армянские переселенцы. Для подтверждения своих наблюдений ученый использовал комплекс дюрбе из местности Азис в окрестностях Бахчисарая. Всего было исследовано 4 дюрбе, принадлежавших представителям высшего слоя крымскотатарского общества – членам ханской семьи. Данные сооружения датированы Б. Н. Засыпкиным XIV веком [7, с. 114–120].

Далее в очерке дается оригинальная классификация крымскотатарских средневековых мечетей – автор подразделял их на купольные и базиличные. Памятники первого вида Б.Н. Засыпкин делил по принадлежности к двум периодам татарского искусства. Первый – XIV–XV вв. – характеризуется тесной связью с искусством Армении, сельджукской Турции и Египта, что согласуется и с концепцией И. Н. Бороздина, проводившего свои исследования в Крыму одновременно с Б. Н. Засыпкиным. В качестве примеров данного периода приводились исследованные экспедицией Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения купольные мечети Узбека и Куршум-Джами в Старом Крыму, и мечеть в Судак, исследованная автором очерка [7, с. 130–139].

Второй период развития татарского искусства, согласно анализу Б.Н. Засып-

кина, относился к XVI в. и характеризовался значительным османским влиянием. Самыми выразительными памятниками этого типа автор называл купольные мечети султана Селима в Феодосии, Хан-Джами хана Девлет-Гирея в Евпатории и мечеть в селении Колечь близ Феодосии [7, с. 140–146].

Время появления в Крыму базиличных мечетей автор ограничивал XIV–XV вв. и связывал это с влиянием византийских и генуэзских строительных традиций. Эти памятники также имели в своем облике черты, как первого, так и второго периодов развития татарского искусства. В качестве примеров первого периода Б. Н. Засыпкин приводил базиличные мечети Текие-Хан Джамии и Шор-Джами в Карасубазаре, второго – мечеть Ешил-Джами в Бахчисарае [7, с. 146–154].

Обзорному анализу в очерке Б.Н. Засыпкина подверглись средневековые минареты, медресе, караван-сарай, бани и фонтаны, бывшие неотъемлемой частью архитектурного облика центров жизни татарского общества – Бахчисарая, Солхата, Карасубазара [7, с. 154–168].

В заключении Б. Н. Засыпкин констатировал необходимость новых исследований в области изучения татарского архитектурного искусства, настаивал на недопустимости игнорирования культурного наследия народов, подвергшихся значительной внешней этнической экспансии (перенятые обычаи, язык, вера и т. д.) со

стороны крымских татар, – крымчаков и караимов [7, с. 168].

Экскурс в историю татарского производства из шерсти и ковроткачества в своей статье предпринял основатель и директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, глава Бахчисарайского краеведческого кружка, член РОПИК Усеин Абдурефиевич Боданинский (1877–1938) [8]. Краевед останавливался на естественности распространения этого вида производства в скотоводческой среде крымских татар, указывал на древние корни ковроткачества, характерные для монгольских кочевников еще в XII в., до экспансии в Крым. Для подтверждения своей гипотезы, ученый ссылался на сведения средневековых путешественников Вильгельма де Рубрука и Марко Поло, отмечавших наличие выделанных войлочных тканей и ковров у кочевавших монгольских орд [8, с. 67].

Далее автор анализировал сохранившиеся формы средневекового производства у крымских татар. В качестве примеров У. А. Боданинский описывал «цеха» по производству войлока – «кечеджи» – сохранившиеся в архаичном варианте до 20-х гг. XX в. в Бахчисарае и Карасубазаре [8, с. 68-70]. Следует отметить, что основные исторические аналогии, касающиеся организации цехов у крымских татар, исследователь представил по оригинальным данным, которые были опубликованы в статье академика, востоковеда, члена РО-

ПИК Владимира Александровича Гордлевского (1876–1956), поэтому в этой части положения очерка вряд ли можно считать сугубо авторскими [9].

Непосредственным предметом исследования краеведа стала коллекция старинных татарских ковров без ворса – «килимов», поступившая в фонды Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в 1927 г. У. А. Боданинский отмечал отсутствие каких-либо сходных черт «килимов» с «кавказскими, среднеазиатскими и малоазиатскими традициями», прослеживал отдаленное сходство с «килимами», распространенными в Украине. Особенностью коллекции являлись сильно схематизированные растительные орнаментальные мотивы, редкость бытовых сцен в оформлении. Нетрадиционной являлась и гамма красок, использованная при росписи ковров: преобладали темно-синий, желтый, рыжий, коричневые цвета; бирюзовый, розовый, зеленый, кремовый полутона; окраска производилась растительными, минеральными и животными красками [8, с. 70-71].

Основываясь на особенностях технического выполнения войлочных ковров, У. А. Боданинский сформулировал их классификацию на три типа. Первые – «орта» – состояли из узких и широких прямоугольных рамок, при их создании использовали темно-синие, желтые, коричневые, рыжие, голубые, белые, розовые, зеленые красители. Применяли дан-

ные изделия для покрытия пола в жилых помещениях или в мечетях. Второй тип – «кобекли-орта» – ткались из 3 рядов прямолинейных рамок со схематическими растительными мотивами. Середина таких ковров – «кобек» – состояла из 5 рядов концентрических ромбов, в орнаменте также преобладали растительные узоры, в цветовую гамму «килимов» добавлялись черный и голубой колеры. Ковры третьего типа – «намазлык» – предназначались для мусульманской молитвы, они состояли из узких и широких прямоугольных рам с мелким однородным узором. Обычно эти «килимы» раскрашивались в синий, желтый, кремовый, коричневый и белый тона [8, с. 72-75].

Местом изготовления всей коллекции У. А. Боданинский определял Крым, время изготовления ограничивал серединой XIX в. В заключение своего исследования ученый констатировал отсутствие в современный ему период как мастеров, так и технической базы для возрождения производства войлочных ковров в крымскотатарской среде [8, с. 75].

Изучению фольклора, музыки, песенного творчества крымских татар посвятил свои исследования член РОПИК Аркадий Карлович Кончевский (1883–1969), начавший активное исследование песенного фольклора в Крыму в 1923 г. в рамках экспедиции, осуществленной на средства Главнауки. В короткой популярной статье «Прошлое и настоящее в песнях Крыма»

[10] музыковед проследил основные вехи истории крымскотатарского народа, отраженные в национальных песнях: средневековые набеги на Русь и ответные экспедиции Московского государства, эмиграцию татар в Турцию в конце XVIII в. и в первое десятилетие после окончания Крымской войны, события первой мировой и гражданской войн, голод 1921–1922 гг. в Крыму.

Развернутая характеристика крымскотатарской музыки содержится в очерке А. К. Кончевского, опубликованном в изданном РОПИК совместно с Московским физиотерапевтическим обществом в 1925 г. путеводителе «Крым» [11]. Автор указывал на отсутствие в Крыму и Москве полного старинного набора крымскотатарских музыкальных инструментов, констатировал увеличение числа «забытых песен», от которых сохранилась только мелодия. Далее А. К. Кончевский отмечал наличие генозских, арабских, турецких, украинских мотивов в песнях крымских татар в Карасубазаре, на Южном берегу Крыма и в степной части полуострова соответственно [11, с. 150-152]. Автор классифицировал самобытные татарские песни по трем направлениям – колыбельные, трудовые, песни чабанов. Также А. К. Кончевский высказывал мнение о наличии у татар традиции коллективного песенного творчества [11, с. 154-156].

Исследователь отмечал значительное взаимопроникновение татарских песенных

традиций и приемов с фольклором караимов и крымчаков, замечая при этом, что последним удалось сохранить собственные обрядовые песни. В конце очерка А. К. Кончевский представил информацию о древних татарских музыкальных инструментах («сантаыр», «сааз», «зурна», «ховал») и кратко описал их [11, с. 156-159].

В целом, следует констатировать, что исследования членов РОПИК, касавшиеся этнической истории народов Крыма, были сведены к изучению этнической истории и культуры крымских татар. Это вписывалось в общие рамки «коренизаторских» устремлений советского и партийного руководства, выразившиеся в Крыму во внедрении политики «татаризации» во всех сферах жизни общества.

Второе направление этнографических исследований членов РОПИК – современное развитие народов Крыма – отражено в публикациях описательного характера.

Как развернутая характеристика антропологических и этнических особенностей татар Южного берега Крыма, особую ценность представляет очерк «Южнобережные татары Крыма» доцента Антропологического института им. Д.Н. Анучина при ИМГУ, члена Правления РОПИК Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953), ставший результатом экспедиции исследователя в татарские села Южнобережья в 1924 г. [12]. Ученый рассматривал данную этнографическую группу как результат

смешения двух культурных традиций – северной, кочевнической, и южной, средиземноморской. Автор подробно останавливался на антропологическом строении тела и физиономических чертах, разнице в биометрических объемах частей тела у жителей разных населенных пунктов ограниченной территории. Подробно рассказывалось об одежде, жилище, пище, занятиях, общественном устройстве, искусстве и менталитете жителей приморских деревень. Очерк Б. А. Куфтина имел как сильные стороны, основанные на полевых наблюдениях автора и мнениях предшествовавших исследователей, так и неточные формулировки, подчас не имевшие какого-либо удовлетворительного объяснения (например, при рассуждении о значении этнонима «тат» Б. А. Куфтин заявил, что этимология данного слова «не поддается объяснению», хотя по этому вопросу на тот период уже накопилась солидная историография) [12, с. 22-25].

Этнодемографическая картина населения Крыма представлена в содержательном очерке члена Правления РОПИК Ивана Михайловича Саркизова-Серазини (1887–1964), опубликованного в путеводителе «Крым» в 1925 г. [13]. Автор опубликовал данные переписи населения 1921 г. и констатировал преобладание сельского населения на полуострове над городским (54,6% на 45,4%). Общее количество основных этносов Крыма определялось в следующих цифрах: русских 51,50%,

крымских татар 25,92%, евреев 6,86%, немцев 5,88%, греков 3,31%, армян 1,67%, болгар 1,47%, поляков 0,82%, караимов 0,77% [13, с. 56-58]. Характерной особенностью в этих данных было отсутствие выделения украинцев как самостоятельного этноса Крыма, это можно объяснить сохранившейся при проведении переписи досоветской тенденции механического приписывания этнических украинцев к русским. Далее автор переходил к подробному анализу уклада жизни основных этносов Крыма. Особое внимание было уделено: крымским татарам [13, с. 61-67], немцам [13, с. 67-69], грекам [13, с. 69-70] и болгарам [13, с. 71-72] - анализировались их антропологические черты, быт, одежда, основные занятия, черты национального характера, уровень грамотности, вероисповедание. Обзорно представлялись крымские цыгане, караимы, крымчаки, армяне, чехи, эстонцы и турки [13, с. 72-75].

Логическим продолжением очерка И. М. Саркизова-Серазини является работа члена Симферопольского отделения РОПИК С. А. Гамалова «Национальные меньшинства Крыма» [14]. В ней корректировались данные переписей 1921 и 1923 гг., как негативный факт особо отмечалось отсутствие выделения украинцев, как отдельного этноса Крыма: по сведениям автора они составляли не менее 20% от «так называемого русского населения», что можно считать несколько завышенной цифрой на тот момент. Далее автор разде-

лял народы Крыма по следующим критериям: коренное население (татары, караимы, крымчаки, часть греков и армян, итальянцы) и более поздние пришельцы (все переселенцы XVIII–XIX вв.); народы западной культуры (немцы, эстонцы, поляки, чехи, латыши, евреи) и восточной и южной (греки, армяне, болгары, караимы, крымчаки); сельские народы (украинцы, немцы, эстонцы, чехи, болгары, часть греков, армян, евреев) и городские (поляки, крымчаки, караимы, большинство греков, армян, евреев) [14, с. 187-190]. Отдельно С. А. Гамалов останавливался на характеристике районов компактного проживания национальных меньшинств Крыма, рассказывал о мероприятиях Советской власти в отношении этих народов.

Третье направление этнографических исследований в наследии членов РОПИК – общетеоретические и методологические вопросы организации данной работы – представлено противостоянием двух школ этнографии: столичной, московской, и крымской, сформировавшейся непосредственно в процессе работы полевых экспедиций.

Наиболее обоснованно позиция московской школы этнографии выражена в работах профессора Ильи Николаевича Бороздина (1883–1959). В периодическом органе РОПИК в 1927 г. он опубликовал одну из своих программных статей [15]. В ней ученый подводил промежуточные итоги тюркологических исследований и меро-

приятый в СССР в 1926–1927 гг. И. Н. Бороздин отмечал недостаточность изучения тюркских народов в целом и татар, в частности, учеными досоветского периода. Констатировалось распространение мифа о «варварстве» татар. Вместе с тем, этно-археологические исследования средневековых тюркских памятников Поволжья и Крыма продемонстрировали высокий уровень культуры создавших их народов. Поэтому, по мнению автора, необходимым было проследить линию эволюции форм жизни татар во всех ее проявлениях [15, с. 108-109].

Для выполнения этого задания И. Н. Бороздин предлагал решить ряд исследовательских задач: проведение систематических этно-археологических исследований татарской культуры; организацию охраны исторического наследия татар в Крыму (памятников истории и культуры); публикация новейших исследований по истории и культуре татар; фиксирование форм «уходящего старого быта» татар; собирание и археографическую публикацию неизвестных материалов о татарах и их быте; создание монографического описания татарских деревень [15, с. 109-112]. Очевидно, что данная позиция авторитетного ученого страдала однобокостью и предвзятостью по отношению к изучению других народов Крыма. Именно поэтому в среде крымских этнографов–практиков, членов РОПИК, возникла оппозиция к концепции И. Н. Бороздина.

Ее проявлением можно считать доклад профессора Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, члена Симферопольского отделения РОПИК Виктор Иосифовича Филоненко (1884–1977) на Втором съезде Общества в декабре 1929 г. в Симферополе. Работа «Очередные задачи современной крымской этнографии и работа Общества по изучению Крыма» осталась неопубликованной при жизни ученого [16]. В. И. Филоненко констатировал, что из 30 народностей, проживающих в Крыму, этнографически изучались (по его мнению, «за свой страх и риск, в незначительных размерах, и совершенно случайно») только татары, караймы, крымчаки и цыгане [16, л. 2]. Остальные этносы полуострова, по мнению исследователя, остались незаслуженно обделенными вниманием исследователей досоветского времени. Для преодоления этой тенденции В. И. Филоненко предлагал перенять передовой опыт современных этнографов РСФСР (назывались имена М. И. Смирнова и М. Я. Феноменова) и организовать монографическое описание деревень каждой крымской народности [16, л. 4]. Дальнейшие шаги в развитии этнографии в Крыму должны были, по мнению ученого, касаться изучения «современного быта города», как центра всех новых явлений жизни, фактически – непосредственного катализатора изменений в быту и культуре. Вместе с тем, В. И. Филоненко подчеркивал зна-

чение изучения «современного быта деревни», прежде всего в направлении фиксации «уходящих форм старого быта» [16, л. 4-6]. Роль организатора таких исследований автор доклада видел в научно-исследовательских учреждениях, высших учебных заведениях и добровольных общественных организациях, каковым и назвал Общество [17].

Таким образом, оригинальные этнографические исследования можно считать одним из ключевых направлений исследовательской деятельности РОПИК. В рамках Общества сложился коллектив выдающихся этнографов – теоретиков и практиков – сохранивших и преумноживших традиции выдающихся исследователей быта и культуры народов Крыма в досоветский период и в годы гражданской войны.

Литература

1. Подробный анализ деятельности и научного наследия РОПИК см. : Севастьянов А.В. Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов; Центр памятниковедения НАН Украины и УТОПИК. – К. : Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : Библиография крымоведения; вып. 13).
2. Подробно об этом см. : Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения : в 2-х тт. / А. А. Непомнящий. –

- Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2: TAURICAORIENTALIA. – (Серия : Биобиблиография кримведения; вып. 12). – 600 с.
3. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар / Б. Н. Засыпкин // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 113–168.
 4. Боданинский У. А. Производства из шерсти у крымских татар / У. А. Боданинский // Крым. – 1928. – № 1 (6), вып. 2. – С. 67–75.
 5. Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар: Из поездки в Карасубазар / В. А. Гордлевский // Труды этнографо-археологического музея этнологического факультета Первого Московского гос. ун-та. – 1928. – Вып. 4 : Быт. – С. 58–65.
 6. Кончевский А. К. Прошлое и настоящее в песнях Крыма / А. К. Кончевский // Крым. – 1925. – № 1. – С. 31–33.
 7. Кончевский А. К. Песни и музыка Крыма / А. К. Кончевский // Крым: путеводитель / Под ред. И. М. Саркизова-Серазини. – М. : Земля и Фабрика, 1925. – С. 149–159.
 8. Куфтин Б. А. Южнобережные татары Крыма / Б. А. Куфтин // Крым. – 1925. - № 1. – С. 22–31.
 9. Саркизов-Серазини И. М. Население и промышленность / И. М. Саркизов-Серазини // Крым: Путеводитель / Под ред. И. М. Саркизова-Серазини. – М. : Земля и Фабрика, 1925. – С. 55–88.
 10. Гамалов С. А. Национальные меньшинства Крыма / С. А. Гамалов // Крым. – 1927. - № 2 (4). – С. 187–197.
 11. Бороздин И. Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму / И. Н. Бороздин // Крым. – 1927. - № 2 (4). – С. 108–112.
 12. Гос. архив в АРК, ф. Р-3864, оп. 1, д. 107.
 13. Публикацию доклада В. И. Филоненко см.: Севастьянов А. В. Доклад В. И. Филоненко «Очередные задачи современной крымской этнографии и работа Общества по изучению Крыма» – неизвестный источник по истории краеведения Крыма в 20-е гг. XX в. / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. – 2005. - № 10. – С. 129–140.

В статті на основі маловідомих опублікованих та архівних матеріалів відтворюється масив досліджень членів Російського товариства з вивчення Криму, присвячених історії культури та побуту народів півострова, виявлені та класифіковані головні напрями цих студій. Подано історіографічний аналіз змісту дослідницьких та компілятивних творів У. А. Боданинського, І. М. Бороздіна, Б. М. Засыпкіна, А. К. Кончевського, Б. О. Куфтіна, В. Й. Филоненка.

Ключові слова: Російське товариство з вивчення Криму, етнографія, кримські татари, У. А. Боданинський, І. М. Бороздін, В. Й. Филоненко.

In article on the basis of the little-known published and archival materials the file of researches of members of the Russian society on studying of Crimea, devoted to cultural history and a life of the people of peninsula is recreated, the basic directions of these studies are revealed and classified. The historiographic analysis of the maintenance research U. A. Bodaninsky, I. N. Borozdin, B. N. Zasytkin, A. K. Konchevsky, B. A. Kuftin, V. I. Filonenko works is given.

Key words: the Russian society on studying of Crimea, ethnography, the Crimean Tatars, U. A. Bodaninsky, I. N. Borozdin, V. I. Filonenko.